

Buren, E. D. van, 1952. Places of sacrifice («opferstätten») // Iraq. 14.

Hole F., 2000. Tell Ziyadeh on the Middle Khabur, Syria // Proceedings of the First International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Roma.

Pfalzner P., 2002. Models of storage and the development of economic systems in Early Jezireh Period // Of Pots and Plans. London.

С. Н. Корневский

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ В ОБЩЕСТВАХ ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И СКОТОВОДОВ (ТЕОРИЯ ЭТНОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИЯ)

S. N. Korenevsky. Power as a phenomenon in early agricultural and stockbreeding societies (Ethnological theory and archaeology)

Abstract. The importance of ethnological theories for the investigations of the origin and development of phenomenon of power is stressed. The author singles out such aspects, as moral, spiritual, economic, and military power and their historic development. It is shown that the way from a temporal military leader to a prince or king allotted with permanent military power by birth was a long and complicated one. It lasted from the earliest communities till the period of pre-state formations (from the 8th – 6th to the 3rd millennia BC). Archaeological associations show representatives of social elite as military leaders, magicians, priests, organisers of feasts. Generally, the paper represents an attempt to develop the trend in archaeology once termed by C. Renfrew as Cognitive archaeology, with special attention concentrated on the reconstruction of social development of ancient society.

Ключевые слова: этнология, археология, власть, социальное развитие, социальные реконструкции, моральные нормы, духовное лидерство, экономика, военный лидер, временная власть, наследственная власть.

Археология, несмотря на бурное внедрение методов естественных наук, по-прежнему сохраняет свою важнейшую историческую составляющую при ответе на вопросы, к какой фазе развития общества относятся те или иные ее источники. Основой для рассуждений исследователей на эту тему всегда остаются труды по этнологии, в которых рассматриваются проблемы развития первобытной экономики, военного дела и организации феномена власти (см., напр.: ИПО, 1983; 1986; 1988; *Перишц, Семенов, Шнирельман*, 1994)¹. Особое место среди

¹ Список литературы по этой теме может быть очень большим. В него входят многочисленные труды этнологов, начиная с основополагающих работ Л. Г. Моргана, Б. Малиновского, Инка Гарсиласио де ла Вега, А. П. Аверкиевой и мн. др. Поэтому я ограничиваюсь ссылкой лишь на наиболее обобщающие отечественные издания. Кратко содержание статьи было изложено в тезисах конференции (*Корневский*, 2006. С. 5, 6).

последних работ занимает трехтомная «Экономическая этнология» Ю. И. Семенова (1993). В ней, как и в других работах на эту тему, автор (Семенов, 1993а; 1993б; 1994) поставил задачу проследить на обширных этнологических материалах процесс зарождения и развития частной собственности, форм эксплуатации, а также выделил ступени развития первобытного общества от ранней общины до порога государственности.

Тема реконструкций фаз развития первобытного общества, как известно, давно привлекала к себе внимание многих ученых, начиная с трудов Л. Г. Моргана и Э. Тейлора. В современной англо-американской археологии широко распространена, как отмечают зарубежные исследователи, теория Сервиса (*Service*, 1962) и Фрида (*Fried*, 1967) (Сендерс, 2003; Фаулер, 2003; ИПО, 1983. С. 27). В обобщенном виде, согласно взглядам этих ученых, догосударственный этап истории делится на периоды эгалитарного и иерархического (кланового) общества. Последний период иногда соотносят с понятием комплексного общества или вожества. За ним следует третий период, который связан с государством как обществом, основанном на принуждении (Сендерс, 2003. С. 552).

Многообразие форм исторического развития, отражаемого источниками исторической этнологии и археологии, красноречиво показывает, что вся история первобытной культуры, имея общие закономерности, развивалась не только по неким общим ступеням экономических отношений, но и по историко-культурным моделям. Их своеобразие зависело от природного фона (локальных климатических условий), среды обитания, специфики хозяйственно-культурного типа, способности к контактам или замкнутости, умению впитывать технический прогресс или проходить мимо него. При этом многие археологические культуры или общности земледельцев и скотоводов впитывали в себя характерные признаки этих моделей или сами являлись таковыми.

Историческая этнология на многих примерах также показывает, что переход первобытнообщинного строя к государственным образованиям происходил как процесс непрерывных войн и конкретная трансформация основных отраслей феномена власти. Он был связан с формированием сознания, что власть и богатство – взаимно обусловленные и взаимозависимые понятия. Поэтому высший лидер общества – вождь – обязан быть богатым. В чем суть проявлений этих отраслей или ветвей феномена власти в древности? Для ответа на вопрос прежде всего эти отрасли надо конкретизировать по особенностям их проявления в догосударственных обществах охотников и собирателей, земледельцев и скотоводов.

Власть Моральная – древнейшая ветвь власти – охватывала правовые отношения в первобытном обществе, связанные с базовыми понятиями сознания что такое «хорошо», а что такое «плохо», неприемлемо и наказуемо. Она апеллировала к принципам «общего права» поведения, соблюдения обычаев, традиций и т. д. Ее осуществляло все общество через ячейки семейных устоев, возрастных групп, контролируя поведения своих членов локальных популяций. На ранних стадиях развития ее правила претворяли в жизнь старейшины и иные авторитеты до того момента, когда появились высшие лидеры, опирающиеся на военную силу и диктующие свои нормы морали. Власть Моральная имела в догосударственных обществах огромное значение, как власть, регулирующая

правовое сознание и поведение людей в сфере экономики, семейных отношений и продолжения рода (Малиновский, 2004. С. 88). Из нее возникли понятия суда и правосудия, всевозможные правовые кодексы и законы.

Власть Духовная возникла с первыми проблесками абстрактного человеческого сознания и становления Религии Природы. Она была связана с идеями о Творце, Боге, Хозяине и Хозяйке природы, с магией и всякого рода волшебством. В ее основе лежало представление о том, что кто-то или что-то может оказывать необъяснимыми с реальной точки зрения, т. е. волшебными, способами влияние на человека, заставляя его поступать так, а не иначе, быть в здравии или в немощи вплоть до летального исхода, влиять на урожай, удачу на охоте, войне и т. д. (Малиновский, 2004. С. 89). Власть Духовную осуществляли особые лидеры, которые образно называются волшебниками: волхвы, колдуны, шаманы, жрецы, маги и тому подобные специалисты по волшебству.

Власть Экономическая – базовый и важнейший феномен власти, затрагивающий отношения собственности, распределения и владения. Этот феномен долго находился в рамках Власти Моральной, регламентирующей различные способы коммуналистических принципов распределения общественной и личной собственности в рамках первобытнообщинных отношений. Она стала оформляться как особая ветвь феномена власти с развитием представлений о личной и частной собственности, т. е. собственности, способной приносить владельцу прибыль. Согласно Ю. И. Семенову, частная собственность возникла ранее всего на продукты обмена в сфере дарообменных отношений, «подарочной» торговли, на престижные ценности (Семенов, 1993а. С. 324, 440). Важнейшей сферой приложения власти экономической стало также право на распределение общественных продуктов и благ, т. е. руководство разделом продуктов и вещей. Например, Б. Малиновский описывает примеры распределения продуктов, выращенных на частных огородах папуасов о. Бойова (Новая Гвинея). При описываемом распределении личный вклад человека в производство ничего не значил для увеличения его персонального достояния, важен был только высокий престиж. При обычном распределении мужчина-папуас отдавал три четверти урожая как дар вождю и брату сестры, оставляя себе минимум (Малиновский, 2004. С. 79). В конечном итоге власть Экономическая со временем начала сливаться с властью высшего лидера-вождя как его родовое и персональное право на общинную или родовую территорию, ее ресурсы, контроль над ней, особую долю в распределении общественного продукта и т. д.

Власть Военная возникла вначале как власть руководящего военными действиями лидера. На ранних ступенях своего развития она совершенно не была связана с властью экономической, но затем стремительное увеличение ее влияния на общество было обусловлено появившейся возможностью личного обогащения за счет военной добычи, вследствие кардинальных перемен в правовой сфере отношений собственности, мифологии и сознания. Ее авторитет и поддержка обществом усиливались не только в связи с вечными проблемами обороны и агрессии, но и с открывшейся перспективой для широких слоев молодежи приобщиться к сфере экономической власти, минуя власть старейшин-мужчин, старших женщин и традиционную мораль, возможностью оплатить брачный выкуп, завести семью, повысить свой престиж и общественный статус. Кроме того,

военная власть с развитием специального военного снаряжения (не для всех) превратилась в особую высшую потестарную власть, т. е. власть, способную не столько убеждать, сколько диктовать свою волю силой оружия. Ее осуществляли вначале военные вожди лишь в период военных действий, затем уже постоянно как военные вожди по родовому праву, лугали, князья, короли и иные лидеры эпохи непрерывных войн за имущество, экономические блага и привилегии.

Путь от власти временного военного лидера к власти пожизненного военного вождя, князя, короля по праву рода был долгим. Он затянулся от эпохи праобщины и ранней родовой общины до времени позднего предгосударственного общества (например, с VIII–VI до III тыс. до н. э.).

Можно ли для первобытности говорить об особом феномене политической власти? Ответ на этот вопрос связан с тем, как мы будем понимать последнее понятие. Если иметь в виду то, что политика – это прежде всего поведение людей, направленное на достижение какой-то цели в сфере общественных отношений на уровне персональном, групповом, общинном, племенном и государственном, то власть политическая может рассматриваться лишь как способ осуществления главным образом проявлений отмеченных выше феноменов власти.

Какие могут быть археологические критерии для соотнесения ее источников со ступенями развития общества, которые выделяют этнологи для культур земледельцев и скотоводов предгосударственного периода? При поисках ответа на этот вопрос прежде всего надо обратить внимание, что источники археологии весьма специфичны. Они, как правило, сводятся к данным погребального обряда, символики включенных в него вещей, далеко не всегда к бытовым памятникам и уж совсем редко – к произведениям искусства, свидетельствам появления неких знаковых систем. В этнологических характеристиках обществ, наоборот, как известно, упор менее всего делается на типологию и подробнейшее описание погребальных обрядов как отражения развития ступени общества и социальных отношений. Зато более рельефно описаны система власти, быт, нравы и религиозные традиции здравствующего населения. В силу этой специфики этнологические схемы Сервиса и Фрида, как считают зарубежные коллеги, очень трудно применять в археологической практике (Renfrew, 1972; 1984; 1994; Tringham, 1972). Более того, все используемые этнологические примеры относятся к так называемой «периферии» мировой, т. е. европейской, цивилизации, начавшей открывать для себя мир первобытности на далеких от Европы территориях в XV–XVI вв. Каков же был путь исторического социального развития обществ эпох «неолита и бронзы Старого Света», например Европы, Кавказа, – тема специального исследования. Она требует своих подходов и методик для интерпретации археологических источников.

В связи обсуждаемой темой возможно предложить следующую систему корреляции археологических «веков» и историко-этнологических «эпох», учитывая положения исторической этнологии (ИПО, 1983; 1986; 1988):

палеолит нижний, средний – разные стадии праобщины;

палеолит верхний – ранняя родовая община охотников на мегафауну;

мезолит – переход к поздней родовой общине и поздняя родовая община охотников на среднюю и мелкую дичь;

неолит, энеолит – начало производящей экономики, военизации, связанной с появлением специального оружия, фиксируемого археологически, переход от позднеродовой общины к раннему этапу предгосударственного периода, ранняя фаза предгосударственного периода, вплоть до позднего предгосударственного периода;

бронзовый век – при сохранении предыдущих фаз развития достигается начало государственности;

ранний железный век Евразии – у тех народов, которые достигли его, широко развивается поздняя фаза предгосударственного периода и начало государственности.

Одним из масштабных этапов в эволюции первобытного общества является предгосударственный период. Этот растянувшийся на тысячелетия этап связан с распространением и развитием производящей экономики, становлением культур земледельцев и скотоводов, развитием межобщинного дарообмена, зарождением частной собственности на его продукты (Семенов, 1993а; 1993б), возникновением металлургии цветных металлов (меди, серебра и особенно золота). В его недрах появились первые формы специального оружия², пригодные, прежде всего, для войны, которые начали превращаться в символы власти. Ими стали орудия ударного действия: булавы с каменными наконечниками, каменные топоры с отверстием, молоты, мечи и палицы из кости, дерева со вставными лезвиями из кремня и обсидиана, копья с накладками из золота. Финал предгосударственного периода связан с появлением государства раннего типа. В нашем понимании формулировка последнего феномена выглядит так.

Раннее государство – это интерплеменная организация сословного, иерархического общества с экономикой, основанной на праве индивидуальной (частной) и коллективной (общинной) собственности, на специализированных производствах и с эквивалентом обмена продукции, исчисляемым в металлах на вес. Государство декларирует и защищает свое право на территорию. Оно обладает аппаратом налогового, правового принуждения и сословно-профессиональной армией (дружиной). Использует эксплуатацию в виде сбора налогов в пользу высшей власти, а также в виде дани, магнатного (Семенов, 1993а; 1994) и рабовладельческого права.

Государство возглавляется клановой верховной военной властью, с опорой на власть Духовную. Внешне военная власть осуществляет и высшую экономическую власть в государстве, подчинив и приспособив для себя Власть Моральную. Хотя, по сути дела, феномен государства сделал главной ветвью власти Власть Экономическую, укрепив ее Властью Военной, Духовной и Моральной.

Наиболее ранний пример государственности, как известно, представляет собой юг Месопотамии. Здесь развивалась наиболее сильная экономически храмовая модель городов-государств. Очевидные свидетельства эквивалентов стоимости в оценке цветных и драгоценных металлов на вес относятся к вре-

² Оружия, сохраняющегося археологически. Эта оговорка вынужденная, т. к. оружие из дерева не сохраняется.

мени РДШ³ – XXV–XXIV вв. до н. э. (такowymi являются тексты о реформах Урукагины). В записях упомянуто, что серебром платили за белого рунного барана, даже назван сборщик уплаты серебром за этого животного (*Дьяконов*, 1983. С. 208, 209). Для периода РД II упоминается эквивалент платы в меди, а для РД I (эпос о Гильгамеше) отмечены детали оружия из золота с упоминанием их веса – «тридцать мин золота – рукоять кинжала» (1 талант – 30 кг, 1 мина – 0,5 кг, 30 мин = 15 кг), – которые изготовлялись для лугалья, военного вождя, жреца города Урука – Гильгамеша (*Дьяконов*, 2006. С. 23, 206). Таким образом, процесс оформления экономики раннего государственного типа охватывал весь раннединастический период и очевиден в его финале.

Согласно исследованиям в области исторической этнологии Ю. И. Семенова, предгосударственный период был представлен двумя фазами. Первая, ранняя, фаза названа Ю. И. Семеновым преполитарной (догосударственной) (т. е. предшествующей государственной – политарной фазе). Вторая, поздняя, фаза носит название протополитарной (т. е. предгосударственной). Этнология и письменная история человечества сохранили нам более всего свидетельств позднего, протополитарного периода. Для него характерны такие феномены социального развития, как вождества или первобытные империи. Например, вождества Зулуленда («империя» Чаки), Китара, Буганда (Уганда), Баконго (Конго) и др., прагосударства инков, ацтеков, майя и т. п. (*Семенов*, 1993а. С. 42–90).

Как правило, высшие символы власти в поздний предгосударственный период были связаны с подчеркиванием военного престижа, знаков суда, с сокровищами, троном. Эти же символы власти нередко переносились на образы небесных владык. Правящие слои знати уже отошли от занятий трудовой деятельностью, вспоминая о ней лишь в момент культовых церемоний.

Преполитарная модель фиксируется значительно хуже. В более развитой протополитарной фазе сохранились только ее пережитки.

Следующая тема, которой мы хотели бы коснуться в настоящей публикации, связана с тем, какие есть возможности для соотнесения информации, получаемой из археологических источников, с теорией этнологии об упомянутых выше двух фазах предгосударственного развития. Судя по данным экономической этнологии, более раннюю, преполитарную фазу развития общества отличают два показателя. Во-первых, труд у правящей родоплеменной элиты был в почете. Во-вторых, военная власть еще не оформилась как правящая страта общества. Этнологические примеры преполитарной стадии малочисленны. В работе Ю. И. Семенова они проиллюстрированы организацией общества о. Тикопия (*Семенов*, 1993а. С. 545–550). Власть здесь осуществлялась вождями. Но для последних был еще очень важен престиж в отдельных трудовых процессах, прежде всего в деревообработке как отрасли, имеющей огромное экономическое и военное значение, – изготовлении лодок, резьбе по дереву и т. д. Пережитки престижа ремесла, и прежде всего деревообработки, передают средневековые саги о Луге, военном вожде и божестве древних ирландцев, который обладал знаниями многих ремесел. На первом месте среди них стояла деревообработка, на

³ РД – раннединастический период Месопотамии.

втором – кузнечное дело, и т. д. (Предания и мифы... 1991). Бог-творец древних египтян Птах тоже, как и Луг, был покровителем многих ремесел. У шумерийцев эту роль выполнял Энки (МНМ, 1987; 1988). Так что мифологии различных народов независимо друг от друга запечатлели связь богов с ремеслом и их благотворное влияние на него.

Можно только предположить, что именно на этой ранней преполитарной фазе шел процесс, при котором общество разрешило богатым стать богатыми и позволило вождю концентрировать в своих руках доминирующую экономическую, распределительную власть, суд и высшие сакральные функции. Именно на этой фазе Власть Военная, самая молодая ветвь общего феномена власти, из области простого престижа стала превращаться в экономически верховную власть, начав контролировать власть Духовную и приспособив под свои интересы власть Моральную. Но все это было осуществлено не сразу.

Какие могут быть археологические критерии сопоставления ступени развития общества с той или иной фазой предгосударственного периода? В связи с этим в настоящей работе мы предлагаем в качестве примера обратить внимание на атрибуты престижа наиболее инвентарных или просто богатых захоронений на территории юга Восточной Европы и Кавказа.

Преполитарную стадию могут иллюстрировать памятники разных фаз энеолита, содержащие оружие и инструменты деревообработки. Среди них можно наметить в предварительном порядке как бы три группы комплексов, иллюстрирующие разные традиции погребальной практики в отражении символов погребального престижа.

Группа 1 – комплексы без символики золота и крупных трудовых затрат на сооружения захоронений с оружием, инструментами труда (деревообработки) и иногда атрибутами культа (например, памятники позднего энеолита Северного Кавказа и юга Восточной Европы).

Группа 2 – комплексы с символикой золота при полной эгалитарности (равенстве) могильной конструкции (например, Варненский некрополь) и с таким же набором оружия и инструментов.

Группа 3 – комплексы с символикой оружия, золота, инструментов деревообработки, культа, организации пира и в сочетании с огромными трудовыми затратами, ушедшими на строительство погребальных сооружений (например, майкопско-новосвободненская общность).

Все эти модели могут отражать состояние общества, при котором символика труда еще много значила для высшего престижа лидера, а военные успехи или деятельность на этом поприще еще не превратили его в представителя элитарной военной страты, для которого труд человека или только его престиж был неприемлем.

Конкретное изучение разных моделей погребальной практики по сочетанию в комплексах орудий войны, охоты, труда и культа является предметом специального исследования. Сейчас только можно заметить, что самыми значимыми комплексами по обилию в них предметов труда и престижу похорон стали редкие захоронения, в которых наблюдается сочетание оружия ударного действия, инструментов деревообработки и предметов какой-то культовой символики. Среди них есть захоронения без золотых вещей, с эгалитарным устройством

в могиле на родовом кладбище. Таков пример уникального для всего массива могил (1160) некрополя Дуранкулак погребения 1036 (культура Хаманджия, первая половина V тыс. до н. э.) (рис. 1). Умерший мужчина в нем был погребен с костяной боевой палицей из рога оленя, каменным теслом, статуэткой богини и путовой костью эквиды, положенной вместе со статуэткой у головы (*Todorova*, 2002).

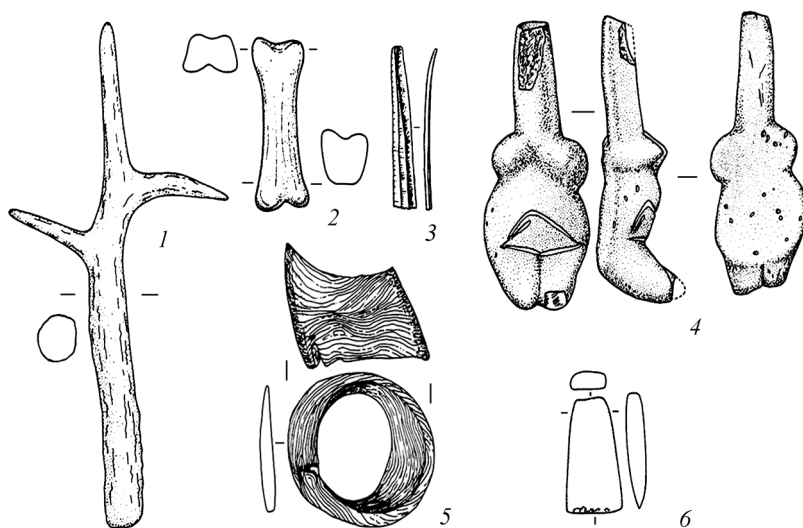

Рис. 1. Погребение 1036 могильника Дуранкулак (по: *Todorova*, 2002)

1 – костяная палица; 2 – кость эквиды; 3 – кремневая ножевидная пластина; 4 – глиняная статуэтка; 5 – браслет из раковины; 6 – каменное тесло

Далее, весьма показателен пример богатейшего захоронения 43 Варненского могильника (середина V тыс. до н. э.) (рис. цвет. I). Умерший был помещен в яму с элитным оружием, каменными и медными теслами, а также символом мужского плодородия. Могила его была усыпана золотом (*Ivanov*, 1988a; 1988b).

Выдающимся погребением степных племен протоямной культуры является погребение 4 могильника Джурджулешти на р. Прут при впадении ее в Дунай (начало второй половины V тыс. до н. э.). Мужчина был погребен в глубокой яме со сложным устройством, в сопровождении оружия, посоха с золотыми накладками, длинной ножевидной пластины и лопатки барана как атрибута культовых гаданий. Его мужскую силу снова подчеркивал фаллический символ. Костюм умершего украшали различные костяные бусы и две золотые спиральные подвески (рис. 2) (*Haheu, Kurciatov*, 1993; *Govedariča*, 2004).

В отличие от погребений могильников Дуранкулак и Варна, погребение 4 могильника Джурджулешти уже нельзя называть эгалитарным по форме могилы. Оно явно выделялось конструктивными особенностями огромной ямы, вырытой до 5 м в глубину. Так у степных племен юга Восточной Европы начали развиваться идеи погребальной практики с акцентированием индивидуальных

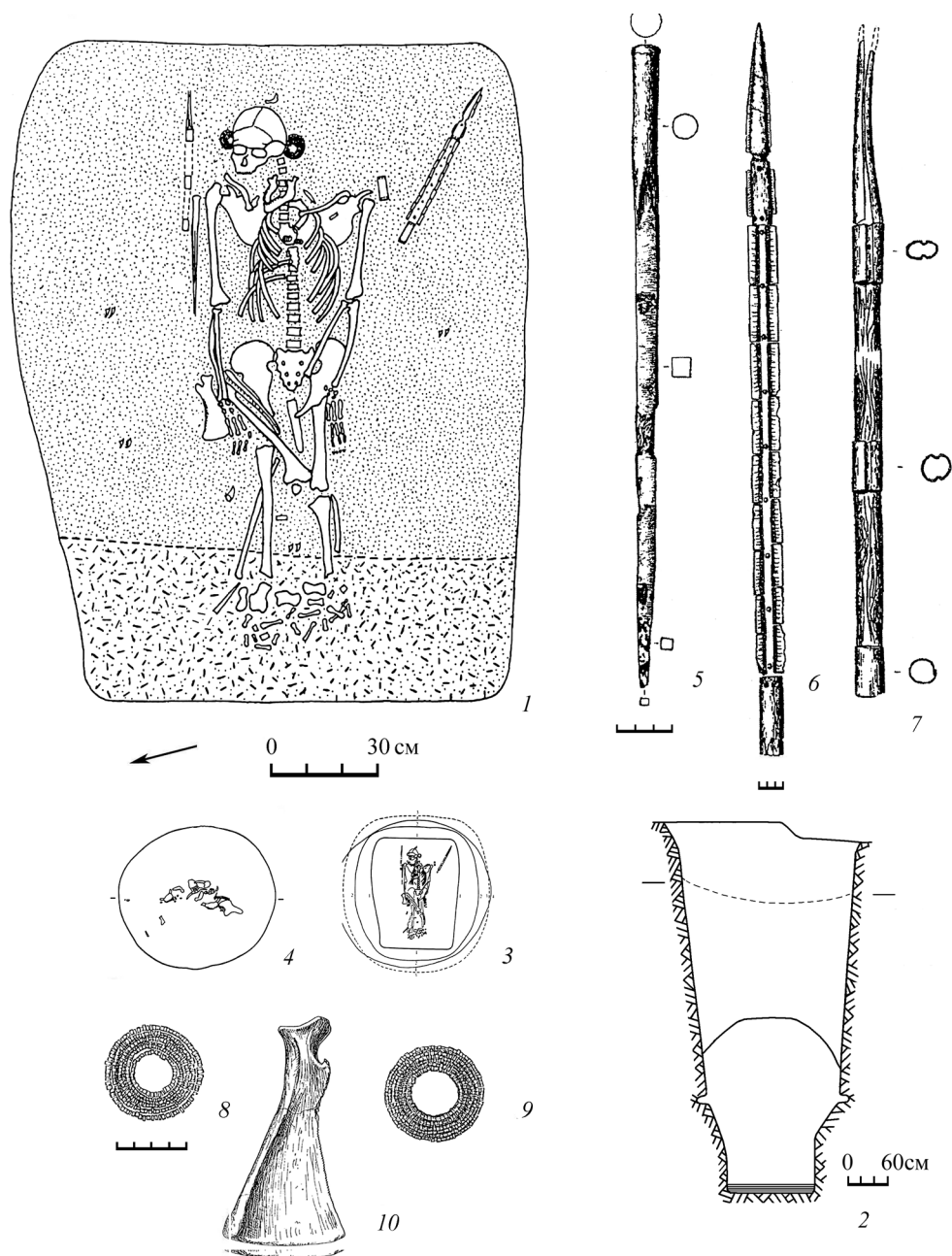

Рис. 2. Погребение 4 могильника Джурджулешти (по: *Govedariča, 2004*)

1, 3 – план погребения; 2 – разрез ямы погребения; 4 – жертвенник в верхней части заполнения ямы; 5 – медный стилет; 6 – наконечник копья или составной меч; 7 – жезл с костяным наконечником и золотыми обкладками; 8, 9 – наборные подвески из бусин; 10 – лопатка барана

особенностей захоронения размерами и глубиной могилы, а также формой катакомбы. Оба последних типа сооружения отражали, по всей вероятности, культ страха перед могущественными покойными сородичами.

Традиция обозначения индивидуальных черт захоронения развивалась в последующую эпоху освоения металла. Она ярко проявилась в Предкавказье. Так, с символикой оружия, орудий труда, пира и культа связаны наиболее богатые погребения майкопско-новосвободненской общности IV тыс. до н. э., и прежде всего само захоронение Майкопского кургана с наиболее вероятной датой XXXVII–XXXIV вв. до н. э.⁴ (*Веселовский*, 1900; *Кореневский*, 2004. С. 78–89; *Кореневский*, *Резепкин*, 2008. С. 109–127). В этот комплекс наряду с набором оружия, инструментов деревообработки, которые иллюстрируют символику войны и труда, были включены изделия с символикой волшебных цветов Древа Жизни. Изображения цветов связываются в мифах Переднего Востока с образами цветов богини плодородия и войны Инанны-Иштар (*Frankfort*, 1958. Р. 19). В Майкопском кургане они представлены золотыми пятилепестковыми розетками и орнаментами – фестонами на лбах быков, фестонами на дне сосуда с гепардами и на крупной бусине (рис. цвет. II). Эти изделия и орнаментальные мотивы четко говорят, что их владелец⁵ (?) отправлялся в мир иной с престижными вещами военного лидера, бигмена, чародея, устроителя трапез и культового лидера с символикой волшебных плодов Инанны-Иштар, связанных с представлением о вечной жизни, идеей омоложения, плодородия.

Символика комплекса из оружия и инструментов деревообработки проникла на Южный Кавказ в культуру Лейлатепе, судя по захоронению из кургана в Тельманкенде (*Махмудов*, *Мунчаев*, *Нариманов*, 1968; *Ахундов*, *Махмудова*, 2008. С. 147. Табл. 30). Но такая символика не прослеживается ни по более раннему некрополю могильника в Кюльтепе (V тыс. до н. э.) (*Абибулаев*, 1982), ни по некрополю урукского времени Тепе Гиссар IC, II (IV тыс. до н. э.) (*Schmidt*, 1937), хотя тесла из камня и бронзы представлены достаточно широко в этих памятниках.

Надо сказать, мне трудно назвать также погребения с одновременной находкой оружия и тесел в убейдский период Переднего Востока, как и в урукский период до времени Джамдет Насра. Поэтому такое сочетание вещей (оружие и тесло) в погребальной практике обладает большей древностью для культур энеолита Подунавья V тыс. до н. э. На Кавказе его ввели в традиции погребальной символики племени майкопско-новосвободненской общности в IV тыс. до н. э. Как было в иных местах – вопрос открыт⁶.

⁴ Дата взята по соотнесению этого памятника с датой Усть-Джегутинского поселения, имеющего радиоуглеродные определения возраста (*Кореневский*, *Резепкин*, 2008).

⁵ Откровенно говоря, мы не знаем, кто же был погребен в Майкопском кургане с обилием золота, мужчина или женщина. Набор инструментов предполагает, что это был мужчина. Но как с этим согласуются цветы-символы Инанны-Иштар, которые соотносятся с символами женского божества?

⁶ Погребальные традиции куро-аракской культуры Южного Кавказа, связанные с бескурганными могильниками, не отражают такой символики и иллюстрируют более эгалитарные традиции куро-аракского населения времени Квацхелеби Е–С (*Абибула-*

И, наконец, знаменитая гробница Т1 в Арслантепе 3000/2900 гг. до н. э. также включает предметы вооружения, инструменты деревообработки и металлические сосуды (*Palmieri et al.*, 2001. Р. 105–139).

В целом приведенные выше примеры отражают одну идею: захоронение военного и культового лидера с символикой оружия, орудий труда и принадлежностей культа – основой престижа первобытного бигмена.

Пережитки этой символики прослеживаются даже в погребениях царского некрополя Ура, в котором наряду с оружием наблюдаются церемониальные инструменты из золота, как, например, пила (*Woolley*, 1934; *Чайлд*, 1956. С. 242. Рис. 88).

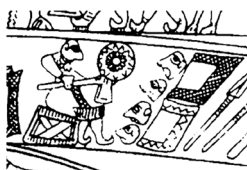
На Южном Кавказе военно-производственная символика живет в погребальных традициях марткопских курганов (*Джапаридзе*, 1991. С. 136–153) (первая половина III тыс. до н. э.) вплоть до становления культуры круга памятников курганов Триалети, Кировакана и Карашамба (конец III тыс. до н. э.).

Протополитарную, позднюю стадию предгосударственного периода на Кавказском театре хорошо иллюстрируют комплексы Триалетских курганов (*Күфтин*, 1949. С. 418, 419. Табл. ХСІ; ХСІІ) и кургана у с. Карашамб (конец III тыс. до н. э.) (*Оганесян*, 1988. С. 146–160; *Кушнарера*, 1994. С. 100, 102, 103. Рис. 32). В них были найдены серебряные кубки с изображением людей и оружие (рис. 3). Эти захоронения были оставлены, скорее всего, знатно военизированных вождей. На обоих серебряных кубках изображены сцены жертвоприношений и культовых процессий. Персонажи одеты в похожие наряды – кафтаны, обувь с загнутыми вверх носками. Теперь обратим внимание на детали. На участниках шествия на триалетском кубке отчетливо заметны прикрепленные сзади пушистые (волчьи) хвосты. Скорее всего, это люди-волки, своего рода представители военного мужского союза (рис. 3).

На серебряном карашамбском кубке сюжеты более разнообразны. Здесь можно различить геральдические породы зверей и сцены охоты. Особенно важна сцена с фигурами лидеров – вождя и его супруги. Они изображены более крупно и сидя. Поэтому можно заключить, что по данным карашамбского кубка высшая власть уже подчеркивала свой статус символом трона. Основной «текст» сюжетов связан с иллюстрацией военных подвигов, баталлий, поражения противника. Нельзя не отметить, что повержен враг, в костюм которого входят те же самые волчьи пушистые хвосты. Поэтому между триалетским и карашамбским кубками устанавливается некая сюжетная связь. Они оба относятся к местной истории южнокавказского населения, запечатлев сцены с изображениями воинской элиты, священных жертвоприношений, воинских подвигов.

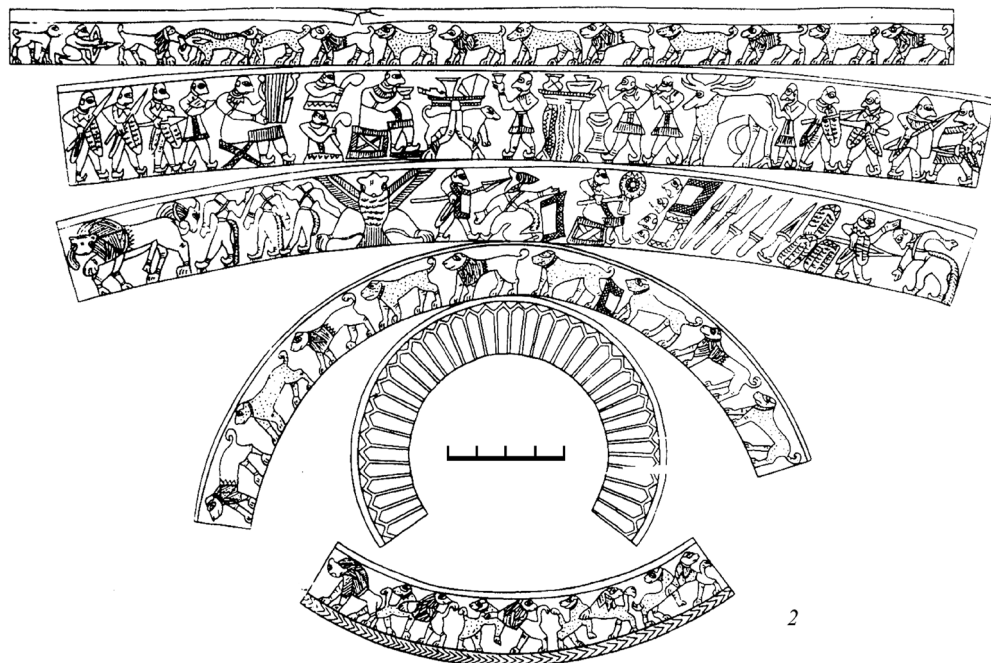
На карашамбском кубке показан поверженный враг. Верховный лидер сидя (!) вершит суд, казня пленных противников. Он же совершает магические обряды на фоне побед своего войска над «хвостатым» недругом. В целом изображенные на карашамбском кубке сцены сражений, избиения пленных, ратные успехи – все это универсальные знаки высшего престижа лидеров финальных

ев, 1962; *Кушнарера*, *Чубинишвили*, 1970), чем обряды майкопско-новосвободненской и лейлатепинской культур.

1

3

2

Рис. 3. Серебряный кубок из кургана Карашамб (по: Оганесян, 1988; Кушнарёва, 1994)

1 – кубок; 2 – развертка изображений; 3 – сцены с тронem

предгосударственных образований в Месопотамии, Египте, Малой Азии и Мезоамерике.

Позднюю предгосударственную стадию отражают также богатейшие могилы раннего железного века – кельтов, скифов, прочих подобных народов, стоявших на пороге государственности, но так и не перешедших к ней в течение

долгого времени. Характерной чертой этих обществ стали высокая военизация, превращение войны в особую экономическую сферу деятельности. Эти явления сопровождались дальнейшим совершенствованием специального оружия. Формируется особый уклад военного профессионализма⁷, предполагающий развитие особых военных страт населения вплоть до военно-элитарных правящих прослоек, оснащенных наиболее дорогими и качественными типами защитного доспеха и наступательного вооружения (рис. 3).

Далеко не все общества поздней преполитарной фазы перешли к протополитарной фазе, а общества протополитарной фазы – достигли государственности. Судьбы преполитарных обществ на рассматриваемой территории также складывались по-разному. Некоторые модели просто «провалились» во времени, как, например, блестящие культуры дунайского энеолита блока Караново VI – Гумельница – Варна или майкопско-новосвободненская общность. С одной стороны, их подорвали изменения природных факторов. Так, одним из таких климатических «рубиконов», которые перешли далеко не все процветающие европейские и кавказские культуры атлантического периода голоцена, стали изменения климата во второй половине этого периода, начале суббореального периода голоцена и приход его особо жаркой фазы Sb2 (*Корневский, 2005*). Но не исключены и внутренние социальные взрывы в элитарных культурах, как полагают ученые в отношении культур «маундов» востока Северной Америки для комплексов Хоупвелл, Миссисипи, а также иных курганных культур Латинской Америки (*Уайт, 2006. С. 45; Сендерс, 2003; Фаулер, 2003*).

Изложенный выше обзор я рассматриваю лишь как одну из первых попыток осветить то направление в археологии, которое Колин Ренфрю ранее обозначил как познавательную археологию (*cognitive archaeology*), но специально ориентируя его на решение задач реконструкции социального развития древнего общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Абибулаев О. А.*, 1962. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку.
Ахундов Т. И., Махмудова В. А., 2008. Южный Кавказ в кавказо-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н. э. Баку.
Веселовский Н. Н., 1900. Кубанская область // ОАК за 1897 г. СПб.
Джапаридзе О. М., 1991. Археология Грузии. Тбилиси. (На груз. яз.)
Дьяконов И. М., 1983. История древнего Востока. М.

⁷ Профессионализм военный имеет различные проявления в истории. Его последняя фаза – служба за плату, выраженную в деньгах. До этой фазы вознаграждение за военную службу могло выражаться в привилегиях, земельных наделах, доле военной добычи. Наиболее ранняя фаза военного профессионализма могла быть связана с регулярным участием в военных действиях, повлекших создание специальных форм вооружения. На этой фазе можно различать уровень «всеобщего вооружения» «для всех» и уровень элитного вооружения «не для всех», т. е. страту людей, обладающих наиболее дорогим и совершенным специальным оружием, нередко сопряженным с появлением протосословия воинов (*Шнирельман, 1994. С. 117*).

- Дьяконов И. М., 2006. Эпос о Гильгамеше. М.
ИПО, 1983 – История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.
ИПО, 1986 – История первобытного общества. Поздняя родовая община. М.
ИПО, 1988 – История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М.
Кореньевский С. Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.
Кореньевский С. Н., 2005. Ориентация культур древнейших земледельцев и скотоводов эпох энеолита – раннего бронзового века Кавказа и Подунавья в системе схемы Блитта-Сернандера // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала
Кореньевский С. Н., 2006. На долгом пути к государственности: Преполитарная модель этнологии и археология // Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этноисторическим источникам). М.
Кореньевский С. Н., Резепкин А. Д., 2008. Радиоуглеродная хронология памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц // Проблемы истории, философии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. XXII.
Куфтин Б. А., 1949. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси.
Кушнарева К. Х., 1994. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
Малиновский Б., 2004. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.
Махмудов Ф. А., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г., 1968. О древней металлургии Кавказа // СА. № 4. МНМ, 1987 – Мифы народов мира. М.
МНМ, 1988 – Мифы народов мира. М.
Оганесян В. Э., 1988. Серебряный кубок из Карашамба // Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР. Ереван. № 4.
Периц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А., 1994. Война и мир в ранней истории человечества. М. Т. I, II.
Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.
Семенов Ю. И., 1993а. Экономическая этнология. М.
Семенов Ю. И., 1993б. Переход от первобытного общества к классовому, пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. М.
Семенов Ю. И., 1994. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Периц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М. Т. I, II.
Сендерс У. Т., 2003. Центральная Америка // История человечества. VII до н. э. – VII н. э. / Ред. Й. Харманн, Э. Цюхлер. М. Т. III.
Уайт Д. М., 2006. Индейцы Северной Америки. М.
Фаулер М. Л., 2003. Северная Америка // История человечества. III тысячелетие до н. э. – VII до н. э. М. Т. II / Ред. А. Х. Дани, Ж.-П. Мозн.
Чайлд Г., 1956. Древний Восток в свете новых исследований. М.
Шнирельман В. А., 1994. Война как предмет исследования // Периц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М. Т. I, II.
Frankfort H., 1958. The Art and Architecture of the Ancient Orient. London.
Fried M. N., 1967. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N. Y.
Govedariča B., 2004. Zepterträger – Herrscher der Steppen. Vunz am Rhein.
Haheu V., Kurciatov S., 1993. Cimitirul plan eneolitic de linga satul Giurgilești // Revista Arheologica. Chsinău.
Ivanov I., 1988a. Das Gräberfeld von Varna – Katalog // Macht, Herrschaft und Gold. Das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neun europäischen Zivilisation. Saabücken.

- Ivanov I.*, 1988б. Die Ausgrabungen des Gräberfeld von Varna (1972–1986) // Macht, Herrschaft und Gold: Das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neuen europäischen Zivilisation. Saabrücken.
- Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T.*, 2001. New symbols of a new power in a «royal» tomb from 3000 BC: Arslantepe, Malatya (Turkey) // *Paleorient*. Vol. 27/2.
- Renfrew C.*, 1972. Beyond a subsistence economy: The evolution of social organization in prehistoric Europe // *Reconstructing Complex Societies* / Ed. by Ch. B. Moore. (Suppl. to the Bulletin of the American School of Oriental Research. № 20.)
- Renfrew C.*, 1984. Approaches to Social Archaeology. Edinburgh.
- Renfrew C.*, 1994. Towards a cognitive archaeology // *The Ancient Mind: Elements of Cognitive Archaeology*. Cambridge.
- Schmidt E. F.*, 1937. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia.
- Service E. R.*, 1962. Primitive Social Organization: An evolutionary perspective. N. Y.
- Todorova H.*, 2002. Durankulak. Bd. II: Die Prähistorischen Gräberfeld. Teil I.
- Tringham R.*, 1972. Comments on Prof. Renfrew's Paper // *Reconstructing Complex Societies* / Ed. by Charlotte B. Moore. (Suppl. to the Bulletin of the American School of Oriental Research. № 20.)
- Woolley L.*, 1934. Ur excavations. London.